

В пьесе талантливой писательницы С. Дрегушану «Дочки», поставленной на сцене бухарестского Национального театра имени И. Л. Караджале, вновь поднимается проблема воспитания нового поколения. В основу сюжета положен конфликт между отцом — главным инженером крупной стройки — и его двумя дочерьми в тот момент, когда отец оставляет семью ради красивой и легкомысленной женщины. На снимке: Сцена из пьесы.

(Еженедельник «Газета литературă»)

В отчетном докладе и в речах писателей были подвергнуты критике недостатки, проявившиеся в отдельных произведениях.

Большое внимание участники конференции уделили также вопросам художественного мастерства и литературной критики.

С приветственной речью от имени ЦК Румынской рабочей партии, Государственного Совета и Совета министров РНР выступил товарищ Георге Георгиу-Деж. Отметив успехи румынской литературы, он призвал писателей неустанно совершенствовать свое мастерство.

Румынские писатели полны решимости еще выше держать знамя социалистического реализма, сделать литературу достойной современного исторического этапа в жизни страны.

США

МЕРИ ХЕМИНГУЭИ ОБ ЭРНЕСТЕ ХЕМИНГУЭЕ

Мери Хемингуэй, вдова выдающегося американского писателя, опубликовала в журнале «Лук» воспоминания об Эрнесте Хемингуэе. Она рассказывает, в частности, следующее:

«На Кубе, когда Папа работал, сидя у книжного шкапа в своей спальне, я занималась тем, что ограждала и охраняла его от посетителей, пытавшихся к нему ворваться. Я знала, что если они отвлекут его от далеких мест и персонажей, создававшихся им в воображении и на бумаге, и он окажется внезапно ввергнутым в реальную обстановку сегодняшнего дня, то ему, возможно, уже не удастся в этот же день вновь совершить обратное путешествие к образам и к тем местам, где он мысленно пребывал. Он писал в спальне, а не в своем кабинете с большим количеством окон и башней наверху, так как во время работы любил прислушиваться к нашим повседневным домашним шумам.

В последнее время он говорил мне, что хочет опубликовать одно из трех стихотворений, написанных им в период, предшествовавший открытию второго фронта, когда мы познакомились с ним в Лондоне. Это «Первое стихотворение к Мери» — оно было нежным и мягким, отражающим одиночество и тоску. Мне думается, он решил его опубликовать, чтобы у меня было ощущение большей уверенности в себе.

Мы с ним разрабатывали план еще одной охотничьей экспедиции, намеченной на сентябрь 1962 года. Единственным путешествием, предварительно детально нами разработанным, было то, которое мы совершили в 1953—1954 годах в Восточную Африку. Я уже купила себе новый словарь языка суахили, готовясь к выполнению роли переводчика. Средний сын Папы — Патрик — постоянно живет там,

он — профессиональный охотник...

Пока мы еще способны пройти пять миль до утреннего завтрака и десять — пятнадцать после, нам хотелось еще раз вдохнуть в себя утренний воздух Африки до зари, когда все вокруг постепенно нагревается под солнечными лучами.

Нам хотелось сделать себе рождественский подарок и снова взглянуть на покрытые снегом склоны Килиманджаро и вершину Маванзи. Хотелось вновь почувствовать теплоту ярких, белозубых улыбок наших африканских друзей. Хотели мы также оказать какое-то внимание нашим крестникам из племени масаи — Эрнесту и Мери. Нам мечталось опять услышать рычание львов по вечерам и испытать веселое неудобство ночевки на раскладушке.

Я мечтала опять наблюдать, как вздымаются и клубятся столбики пыли от шагов Папы, когда мы шли гуськом по следу зверя, слушать, как он рассказывает всякие истории нашим носильщикам на изобретенном им самим, единственным в своем роде языке — смеси итальянского, французского и испанского. Во всяком случае, носильщики всегда делали вид, что понимают.

Для нас обстановка охотничьей экспедиции была гораздо более желанной роскошью, чем какие-то бриллианты, роллс-ройсы и золотая посуда. Экспедиция дает ощущение свободы.

Папа любил в свое время многое — женщин, зверей, спорт. Но две наиболее длительные его привязанности — это «Пилар», его яхта длиной в сорок футов, и рыбная ловля. Последней он начал заниматься, как он рассказывал мне, с пяти или шестилетнего возраста. Он еще собирался поехать на рыбную ловлю к реке, на которой стоит наш горный домик в Айдахо...

...До высадки в Нормандии он вместе с группой американских и кубинских друзей, под видом научной экспедиции, отправился якобы на рыбную ловлю к северному побережью Кубы,

в район старого Багамского канала. Целью был поиск немецких подводных лодок, которые торпедировали танкеры союзников в Карибском море и у берегов Флориды. Хотя «Пилар» была перегружена всяким снаряжением для обнаруживания, а в случае удачи — и для потопления такой «добычи», она так и не поймала подводную лодку. Но зато об этих днях Папа написал, по моему мнению, один из

самых лучших своих неопубликованных рассказов...

...В каком бы мы ни были океане, всякий раз, когда выходили в открытое море, мы воспринимали все, как новое открытие. Иногда мы ничего не привозили домой, кроме впечатлений о виденном. Это могло быть воспоминание об огромной акуле — пятнистом чудовище, почти такой же длины, как «Пилар», или о летающей рыбке, такой кро-

шечной, что Папа сказал о ней: «Как дождевая капля».

Какой бы день Гольфстрим ни подарил нам, мы все считали за благо. Мы гордились и были счастливы слаженностью нашей совместной работы. Мы были не просто мужчиной и женщиной, а друзьями, братьями. Папа был единственным моим братом и лучшим другом, который когда-либо у меня был».

УРУГВАЙ

АЛЬФРЕДО ГРАВИНА О ЛИТЕРАТУРЕ

Видный уругвайский прогрессивный литератор, секретарь Ассоциации писателей Уругвая Альфредо Гравина в беседе с корреспондентом кубинского журнала «Верде оливо» затронул интересные вопросы — задачи писателя и литературы в наше время, рассказал о своем творчестве и о литературной жизни.

— Литература, как и искусство, выполняет социальную функцию, — сказал Альфредо Гравина. — Есть такие аспекты социальной жизни и такие области человеческой души, которые литература может раскрыть намного лучше, чем любой другой инструмент, используемый человеком для познания действительности... Писателю, который в эту эпоху крушения колониальной системы и империализма не опирается на доктрину марксизма и не принимает участия в борьбе своего народа, грозит неминуемая опасность остаться где-то позади, создавать произведения без живого дыхания, оторванные от реальности, обреченные на гибель.

— Какую роль, по вашему мнению, играет «эскапистская» литература — литература бегства от действительности? — спросил корреспондент.

— Печальную роль. Это — извращенная литература, которую империализм и национальные олигархии опекают и всячески поощряют с целью посеять среди читателей пессимизм, скептицизм, чувство бессилия перед высшей судьбой, хотя ныне судьбу творят сами народы. Те, кто так пишет, утверждают, что делают это во имя свободы творчества. Ну, это такая же свобода, как свобода пойти купаться в сухом бассейне...

— Что можно отметить как позитивное в современной литературе Уругвая?

Альфредо Гравина.
(Журнал «Верде оливо»)

— Этот вопрос очень интересен и важен. Многие поэты различных тенденций нынче воспевают и революционную Кубу и советские полеты в космос. Многие из тех, кто никогда в своем творчестве не касался политических тем и даже выступал против этого, теперь пишут на политические темы. Произошло обновление уругвайской поэзии. Прозаики стремятся отразить уругвайскую действительность в своих рассказах и романах. Возрастает влияние прогрессивных писателей на литератур-

ную молодежь.

Альфредо Гравина кратко охарактеризовал свои последние произведения, в том числе известный советскому читателю роман «Границы, открытые ветру», романы «Единственный путь» и «От страха к гордости» (рецензия на последний роман опубликована в «Иностранной литературе» № 12, 1960). Писатель подчеркнул, что свою задачу он видит в том, чтобы писать о жизни, о бедах, о борьбе и надеждах уругвайского народа.

— Над чем вы сейчас работаете? Каковы ваши планы на будущее?

— Закончить трилогию «Двери весны», в которую входит роман «Единственный путь». В настоящее время работаю над двумя книгами. Одна из них — роман, разоблачающий латифундизм в нашей стране, его противодействие прогрессу. В этом романе осуждаются проявления маккартизма, вскрываются маневры местной реакции, подогреваемой силами империализма. Роман утверждает неизбежность победы народных масс. Над другой книгой — очерки по истории Уругвая — я работаю вместе с моим земляком, историком Франсиско Р. Пинтосом.